

ДОКУМЕНТЫ АНТИГИТЛЕРОВСКОГО ЗАГОВОРА НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ И ВОЕННЫХ 1943–1944 ГГ. ИЗ АРХИВОВ РОССИИ

Хавкин Б.Л. (г. Москва, Россия)

В статье на основе хранящихся в ЦА ФСБ России и опубликованных автором документов участника заговора против Гитлера майора вермахта Иоахима Куна рассказывается о заговоре группы немецких военных и политиков, направленном на свержение гитлеровской диктатуры и выход Германии из войны.

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Иоахима Куна лежали на рабочем столе Председателя ГКО и Верховного главнокомандующего Красной армией И.В. Сталина. Таким образом, советский лидер, раньше, чем руководители других стран антигитлеровской коалиции был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера.

За участие в заговоре против Гитлера майор Кун был приговорен в Третьем рейхе к смерти. Однако в Советском Союзе Кун был признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к 25 годам тюремного заключения. 23 декабря 1998 г. Главная военная прокуратура РФ реабилитировала Иоахима Куна «за отсутствием в его действиях состава преступления». В связи с этим документы дела Куна были рассекречены и стали доступны историкам.

30 ноября 1997г. первый президент России Б.Н. Ельцин в подмосковной резиденции Завидово вручил тогдашнему канцлеру ФРГ Г. Колю подарок: копии ряда хранящихся в российских архивах материалов по новейшей германской истории. Среди них были и датированные 1944 годом документы майора Куна. Российские чиновники, которые готовили подарок «друга Бориса другу Гельмуту», очевидно, так торопились, что в спешке не заметили, что эти документы еще даже не были рассекречены. Так в 1997 г. на Запад попали неизвестные тогда в России фрагменты уникального исторического источника – досье майора Куна.

Но досье Куна «ушло на Запад» не полностью. В Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) хранится комплекс материалов, составляющих «Дело по обвинению Куна Иоахима», на котором основана наша публикация. «Дело по обвинению Куна Иоахима», имевшее первоначальный следственный № 5141, было начато 29 августа 1951 г. и окончено 6 октября 1951 г. Документы «Дела» подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ СССР. По содержанию «Дело» Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945-1952 гг. в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

23 декабря 1998 г. Главная военная прокуратура РФ реабилитировала германского подданного Куна Иоахима, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа, «за отсутствием в его действиях состава преступления». В связи с этим документы дела Куна были рассекречены и стали доступны историкам. О чем рассказывает этот исторический источник?

Через неделю после провала заговора 20 июля 1944 г. в советский плен добровольно сдался участник заговора против Гитлера майор генштаба Йоахим Кун. 2 сентября 1944 г. он дал подробные «Собственноручные показания» о подготовке частью немецкой военной и политической элиты государственного переворота с целью свержения Гитлера и его клики.

Документы позволяют восстановить биографию Йоахима Куна. Он родился 2 августа 1913 г. в Берлине в семье адвоката Артура Куна и его жены Хильдегард-Марии, урожденной Кустер. В 17 лет Иоахим окончил гимназию и поступил в технический институт, который не окончил. В 19 лет, в 1932 г., он был принят на службу в сотысячный рейхсвер – профессиональную армию Веймарской республики. В 1933–1934 годах Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 г. получил специальность военного инженера. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 г., командовал ротой в войне против Франции в 1940 г. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден Железным крестом. Летом 1941 г., когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта. До ноября 1941 г. он был на Восточном фронте. Затем как образцовый штабист был направлен на учебу в Берлин в Академию Генерального штаба, где обучался до мая 1942 г., и окончил ее как лучший офицер своего выпуска. Так он вошел в германскую военную элиту – корпус офицеров Генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы Кун, в январе 1943 г. получивший чин майора, был направлен в Генштаб сухопутных сил – в организационный отдел Верховного командования сухопутных сил (ОКХ). Его непосредственным начальником был граф Клаус фон Штауфенберг – один из руководителей военного заговора против Гитлера. 20 июля 1944 г. Штауфенберг взорвал взрывное устройство в Ставке Гитлера, но Гитлер чудом уцелел. После провала покушения Штауфенберг в ночь на 21 июля 1944 г. был расстрелян в Берлине во дворе штаба ОКХ.

17 февраля 1945 г. офицеры советской военной контрразведки «Смерш» на основе показаний Куна раскопали на территории бывшей штаб-квартиры ОКХ в Мауэрвальде под Растенбугом (Восточная Пруссия) тайник, зарытый Куном осенью 1943 г. по указанию Штауфенберга. В двух банках, металлической и стеклянной, была спрятана документация заговора против Гитлера 1943 г. Из тайника были извлечены: «календарь меро-

приятый по реализации плана смены главы германского государства и Верховного главнокомандующего», постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы, обращения, оперативные распоряжения, подготовленные в связи с так и не состоявшимся покушением на Гитлера 1943 г.

Как отмечал в составленной в феврале 1945 г. пояснительной записке к этим документам начальник Главного управления советской военной контрразведки (ГУК) «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов, «приказ верховного главнокомандующего, как показал Кун, был составлен осенью 1943 г. руководителем заговора генерал-полковником Бек (застрелился) и Штауфенбергом (казнен). На пост верховного главнокомандующего и главы государства заговорщиками намечался Бек, который и должен был подписать этот приказ. Приказ об объявлении чрезвычайного военного положения в стране должен был подписать фельдмаршал Вицлебен (казнен), намечавшийся заговорщиками командующим вооруженными силами Германии».

Приведем эти документы в официальном переводе, сделанном «Смерш» в феврале 1945 г. с сохранением оформления, стиля, орфографии и пунктуации.

«Перевод с немецкого.

Главная ставка

Приказ

Фюрер мертв!

Испорченные и бессовестные элементы, преследовавшие с давних пор под защитой неограниченной власти свои личные цели, сделали попытку захватить в свои руки власть. Они знали, что народ и армия со все увеличивающимся ожесточением следят за их незаконными действиями. Равнодушные к жертвам, понесенным Германией, незатронутые тем, что родина лежит в развалинах, они были озабочены лишь собственном благополучием и надеялись с помощью безграничного насилия спасти самих себя и свою добычу, затопив в реках крови голос справедливости.

В минуту высшей опасности для отечества выступила армия, обезвредила предателей и взяла на себя исполнительную власть. Один солдат руководит сейчас империей и главнокомандованием вооруженных сил. Из всех слоев народа, из всех областей империи стоят рядом с ним испытанные люди со знанием своего дела и с незапятнанной честью.

Солдаты! Будучи облечен верховной властью над вооруженными силами, я ручаюсь, что буду руководить Вами по-деловому. С этого часа от Вас будут требовать лишь необходимых для спасения отечества жертв. Ни одному из Ваших командиров не будет угрожать позорное удаление из армии за самостоятельные действия, основанные на знании обстоятельств и чувства ответственности.

Солдатское руководство страной гарантирует Вам, что родина будет такова, какой Вы, сражающиеся на фронтах, хотите ее видеть и увидите, когда возвратитесь. Эта родина будет всеми силами служить делу Вашей борьбы. Родина в свою очередь надеется на Вас. Она верит и ждет, что Вы ее спасете.

Солдаты, и прежде всех вы, бойцы Восточного фронта!

За эту родину вы должны выступить. После 4-х лет величайшей борьбы выйти в последний бой за родину, не за фантастические планы, безграничные завоевания, а за простую цель: за Ваш очаг, Ваш дом, за спасение Ваших жен и детей.

Если Вы не устоите, то все, что Вам дорого станет достоянием гибели и опустошения. Выдержите эту борьбу, чтобы мы могли свободно искать примирения, мира, достойного наших погибших.

Именем отечества обязую я Вас снова к верности, послушанию и храбрости. Вместе с отечеством я надеюсь на ваше непреклонное мужество, которое становится тверже, чем больше угроза.

Я доверяю Вашим силам и Вашей вере в Германию!

Подпись»

«Перевод с немецкого.

Транслировать по радио.

Приказ об объявлении чрезвычайного положения в занимаемых запасной армией имперских областях.

Фюрер Адольф Гитлер мертв.

1. Изменническая клика „СС“овских и партийных руководителей, используя серьезность положения, ударила в спину находящемуся в тяжелой борьбе Восточному фронту и пытается в целях достижения личного благополучия захватить власть.

II. Для единения всех сил нации в этот тяжелый час, для обеспечения права, спокойствия и порядка, имперское правительство поручило мне одновременно верховное командование вооруженными силами и исполнительную власть в занимаемых запасной армией имперских областях, а также распорядилось немедленно объявить чрезвычайное военное положение.

III. Исходя из этого, приказываю:

1. Исполнительную власть в имперских областях, занимаемых запасной армией, принять командующему запасной армией генерал-полковнику _____

2. Исполнительную власть в военных округах немедленно принять командующим округами, им же передать полномочия имперских комиссаров обороны.

Командующим округами подчинены:

а) все находящиеся в их округах воинские учреждения и части, включая войска „СС“, отряды трудовой армии и организации ТОДТ;

б) все общественные учреждения (империи, провинций и общин), в особенности вся административная полиция, а также полиция порядка, безопасности и порядка;

в) органы и подразделения НСДАП и приданные им части;

г) транспортные средства и пищевая промышленность.

3. Командующий запасной армией и находящиеся в его области командующие военными округами принимают необходимые решения и мероприятия для поддержания и восстановления права, порядка и общественной безопасности и проводят их в жизнь, с случае необходимости, вооруженной силой.

На все время действия чрезвычайного военного положения в имперских областях, занимаемых запасной армией, допустимы сокращения имеющихся законных границ в отношении личной свободы, собственности, права свободного выражения мнений, прав союзов и собраний, нарушения тайны почтовой и телеграфной и телефонной связи, а также приказы о домашних обысках и конфискациях.

4. Лица, выступающие против проведения приказов и распоряжений чрезвычайного военного положения или призывающие другие лица к непослушанию, будут переданы полевому суду.

Главнокомандующий вооруженными силами, фельдмаршал».

Календарный план оперативных мероприятий заговорщиков, составленный Куном совместно с генералами Штифом и Фельгибелем и полковником Штауфенбергом, был рассчитан по минутам. Момент казни Гитлера был условно обозначен знаком «Х». Время до покушения обозначалось «Х минус». Например, указанное в плане время «Х минус 24» означало «за 24 часа до покушения». Время после покушения обозначалось «Х плюс». Например, «Х плюс 10 минут» означало «через 10 минут после убийства Гитлера».

Условная фраза «все восточные батальоны переводятся» означала, что Гитлер в результате покушения убит. Слова «половина восточных батальонов переводятся» означали, что Гитлер ранен. «Восточные батальоны остаются, следует ждать признаков разложения» – заговор раскрыт, покушение не удалось. «Восточные батальоны остаются, переорганизация не нужна» – покушение не удалось, но заговор не раскрыт. Характерно, что В.С. Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы военного заговора против Гитлера, однако в нашей стране они оставались секретными до конца 1990-х годов.

2 сентября 1944 г. Кун, содержащийся тогда в Москве во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания». Изучение этого уникального источника, введенного нами в научный оборот в начале 2000-х годов, позволяет прийти к выводу, что благодаря показаниям Куна в сентябре 1944 г. Сталин, Берия и Абакумов знали гораздо больше о заговоре группы немецких военных и политиков против Гитлера, чем сам Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер (он возглавлял расследование по «делу 20 июля 1944 г.»), не говоря уже о лидерах западных стран-участников антигитлеровской коалиции.

Показания Куна позволили создать многогранный портрет первых лиц антигитлеровского заговора; сохранились политические и личные оценки ряда высокопоставленных германских военачальников и других ответственных лиц, включая генерал-фельдмаршалов Браухича, Клюге, Манштейна, Кюхлера, Вайса, министра К. фон Нейрата.

Кун рассказывал о своей беседе с графом Штауфенбергом (фактическим военным руководителем офицерского заговора), состоявшейся ставке Верховного главнокомандования вермахта в Виннице в августе 1942 г. Штауфенберг сказал Куну: «Утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым... Эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве... Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира». Кун вспоминал, что эта беседа со Штауфенбергом потрясла его до глубины души. К тому же она состоялась летом 1942 г., до Сталинграда и последующих катастроф вермахта.

Еще один «разговор по душам» Штауфенберга и Куна состоялся 3 февраля 1943 г. накануне отъезда Штауфенберга в Тунис, куда он был направлен в качестве начальника штаба 10-й танковой дивизии. «Выход, который мы так долго искали, – это установление временной военной диктатуры», – произнес Штауфенберг. Следующая встреча двух офицеров состоялась через три месяца, 6 мая 1943 г. Кун пришел в берлинский госпиталь к Штауфенбергу, тяжело раненому в Тунисе: он потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. На этот раз Штауфенбергом были произнесены слова, к которым Кун был уже морально готов: «Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, то есть путь к спасению народа, может идти только по линии устранения личности Гитлера и его ближайшего окружения».

В сентябре 1943 года генерал-майор Хельмут Штиф с группой офицеров штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) пытался уничтожить Гитлера в его ставке. Но бомба, установленная заговорщиками в водонапорной башне, взорвалась преждевременно. Виновных не нашли: расследование по этому делу вели офицеры абвера, сами связанные с заговорщиками...

В то же время заговорщики продолжали обсуждать нелегкий для них вопрос об офицерской чести и верности воинской присяге. Кун писал в показаниях: «В кругах организации неоднократно подчеркивалось, что

непосредственное участие в убийстве Гитлера не достойно звания офицера, но всё же этот поступок может быть оправдан как казнь преступника».

Куну была поручена организация переворота и создание новой военной администрации в Восточной Пруссии, где находилась гитлеровская ставка «Волчье Логово». Вот как описывал Кун непосредственную поставленную перед ним задачу: «Подготовка захвата расположенных в военном округе №1 главных ставок Гитлера и Геринга. Мы должны были воздержаться от непосредственного захвата ставки фюрера в связи с тем, что она охранялась значительными силами охранного батальона». В район расположения главных ставок заговорщиками были стянуты части действующей армии. «Концентрация этих сил происходила под благовидным предлогом отражения возможных вражеских десантов».

После того как это покушение на Гитлера сорвалось, Кун по личному указанию Штауфенберга закопал в Мауэрвальде две банки – железную и стеклянную. В банках была спрятана секретная документация заговорщиков. Этот тайник Кун и выдал офицерам «Смерш» 17 февраля 1945 г. В декабре 1943 г. Кун побывал у фельдмаршала Вицлебена, который рассматривался заговорщиками как будущий Главнокомандующий вооруженными силами Германии. «Я надеюсь, что все будет сделано для ускорения переворота, – заявил фельдмаршал, – так как дольше ждать нельзя».

20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте, в Польше, в штабе 28-й Егерской дивизии. За месяц до этого рокового дня, 22 июня 1944 г., майор Генштаба Кун был назначен на должность начальника штаба этой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Густав фон Цильберг. 27 июля 1944 г., через неделю после провала заговора, Кун добровольно сдался в плен под Белостоком наступающим войскам Красной армии.

В «Собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он был на волосок от ареста и неминуемой казни как заговорщик. Однако в Германии, как во время, так и после войны, он считался перебежчиком.

Пленение Куна было сразу же замечено нацистскими «фюрерами». 10 августа 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер писал рейхслайтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном комитете» («Свободная Германия», далее: НКСГ. – Б. Х.)

В этой связи представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ, правнука князя Бисмарка графа Генриха фон Айнзиделя. В письме автору этой статьи, написанном в 2002 г., Айнзидель отмечает, что он впервые услышал о Куне 22 августа 1944 г. из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 года майор Генштаба Кун, который хочет включиться в движение «Свободная Германия» и войти в Союз немецких офицеров (СНО). Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не появился. На все вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 года Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в районе Нарева. Там он познакомился с офицером 7-го отдела (отдел контрпропаганды и разложения войск противника) политуправления фронта Львом Копелевым. Майор Копелев спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал, что однажды в июле 1944 г. в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдаться в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Кун заявил Копелеву о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных, и уже оттуда его направили в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель, депутат германского бундестага, был в гостях у Копелева, знаменитого писателя и ученого-германиста, у них речь вновь зашла о Куне. Причем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ.

Таким образом, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга общались о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном. Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО?

Это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций – Главного политуправления Красной армии и Главного управления по делам военнопленных, а в объятия Главного управления контрразведки (ГУК) «Смерш»: перебежчик, к тому же офицер Генштаба, рассматривался как возможный шпион.

2 сентября 1944 г., находясь в ГУК «Смерш» в Москве на Лубянке, Кун напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания». На русский язык «Собственноручные показания» Куна перевел оперативный уполномоченный Даниил Копелянский. На последней странице перевода он написал: «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО (Государственный комитет обороны. – Б.Х). Оперуполн. 2-го отдела Гл. упр. Смерша капитан Копелянский».

23 сентября 1944 г. начальник ГУК «Смерш» генерал-полковник Виктор Абакумов направил члену ГКО Георгий Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родины... Будучи доставлен в Москву в Главное управление контрразведки «Смерш» и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в Генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, не исключена возможность, что он под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна».

Однако для следственной практики НКВД-НКГБ-МГБ было необычно то, что к материалам «Дела» Куна были приобщены его «Собственноручные показания», данные до ареста, несмотря на то, что эти показания не легли в основу обвинения и не использованы в нем. По практике делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ эти документы могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки ГУК «Смерш». Сохранение в уголовном «Деле» Куна его «Собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подсудимого – редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр этих показаний попал в 1944 г. «на самый верх».

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Куна лежали на рабочем столе Председателя ГКО и Верховного главнокомандующего Красной армией. Таким образом, Сталин был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера.

В плену Кун, разумеется, не располагал точной информацией из Германии, касавшейся судьбы своих родственников и своей участи как участника заговора против Гитлера. Этим обстоятельством можно объяснить непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его «Собственноручных показаний». Например, он пишет: «4.VIII.1944 года я обратился к находившемуся в лагере г. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни». Но этот факт не соответствовал действительности.

В то же время сообщенная Куну советской стороной версия о том, что он 4 августа 1944 г. был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни», говорилось и в письме Абакумова Маленкову от 23 сентября 1944 г. Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 г. Куна приговорили в «Третьей рейхе» к смерти, была основана на справке, составленной «Смерш» по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 г., а ТАСС в свою очередь ссылалось на агентство «Трансоцеан».

В действительности же 4 августа 1944 г. Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор Генштаба ОКХ Иоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору народного трибунала «Третьего рейха» был лишь исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.VII.1944 года».

Но в дальнейшем нацисты все же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 г. 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Йоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на сторону врага». 20 февраля 1945 г. Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки».

Возможно, что в сентябре 1944 г. капитан Копелянский, так же как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 г., в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырской тюрьме в Москве. «Из соображений оперативной необходимости» ему было дано другое имя. В тюремном деле Кун значился как Иоахим фон Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Все это время контрразведка «Смерш» вела с особо ценным пленным немецким офицером активную «оперативную работу». С целью «оперативной работы» военнопленный Кун согласно указаниям Абакумова от 15 февраля 1945 г. и от 28 февраля 1947 г. дважды вывозился на «особые объекты». В 1947 г. по указанию Абакумова, который в это время возглавлял МГБ, Кун был помещен на «особый объект» – подмосковную дачу, где находился с 1 марта 1947 г. до 22 апреля 1948 г. На даче он не столько отдыхал, сколь-

ко готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. На «особом объекте» Кун находился под наблюдением. По сообщению следившего за ним «информатора», Кун «критиковал советскую власть»: в частной беседе он якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам. Разумеется, что после этого о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 г. Куна вновь поместили в тюрьму. Он сидел в московских тюрьмах: в Лефортове с 22 апреля 1948 г. и в Бутырке с 5 апреля 1950 г. Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 года. Капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения». Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г.: исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого, среди прочего, обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д. Игнатьев, который стал «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы.

Майор Кун был обвинен на основании «пункта 1 (а) статьи II Закона, № 10 Контрольного совета в Германии» и признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен – 27 июля 1944 г.

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, «установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами».

6 октября 1951 г., то есть за 11 дней до вынесения приговора по делу Куна, его следователь майор госбезопасности Кичигин принял решение: «Куна Иоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбытия наказания в особую тюрьму».

Особой тюрьмой, в которой сидел Кун с 1951 по 1956 год, был известный во всей России Александровский централ – каторжная тюрьма близ Иркутска. По иронии судьбы немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 году. В тюрьме Кун страдал от недоедания – у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел психически. Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 году появились и послабления режима: с июня 1954 года Кун получил возможность писать и получать письма и принимать посылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. заключенный Йоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 г. его не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 г.

16 января 1956 г. Кун был передан в распоряжение правительства ФРГ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину. 11 лет заключения превратили его в тяжелобольного и морально надломленного человека. О своем прошлом он предпочитал не говорить. Многие в Западной Германии в те годы осуждали участников антигитлеровского заговора как людей, нарушивших воинскую присягу, хотя Конституция ФРГ и провозглашала законность неподчинения военнслужащих преступным приказам.

По свидетельству графа Айнзиделя, навестившего Куна в конце 1970-х годов, Кун жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от города Бад-Киссингена на реке Саале. Там он и умер, всеми забытый, 6 марта 1994 года, прожив 80 лет. Как отметил Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно страдал шизофренией), чтобы оправдаться и рассказать свою историю, какой она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в Чека, он не поумнел... Человека, который был так сломлен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар «холодной войны», запретной темой. Итак, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды».

ЛИТЕРАТУРА

1. Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes. // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.VII. 1998; Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944-1956 // Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof, Berlin, 2001, S.57.
2. ЦАФСБ, «ДелопообвинениюКунаИоахима», Р-46988.
3. Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г.
4. Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv

- des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2001, № 2, S.355- 358.
5. Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. – Тайные страницы истории. М., 2000. С.306-307.
 6. ЦА ФСБ, по материалам ГУК «Смерш». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами, л. 2.
 7. Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина, 2004, №6. С.29.
 8. «Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна». – Новая и новейшая история. 2002. №3. С. 163.
 9. “Spiegelbild einer Verschwörung”. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung, S.129, 190; Herwarth von H. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1982, S. 304; Widerstand gegen den Nationalsozialismus, S.534; Lexikon des Widerstandes 1933-1945, S. 117.
 10. “Spiegelbild einer Verschwörung”. S.190, 193-194.
 11. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального Архива ФСБ России. – Новая и новейшая история, 2002, №3. С. 153.
 12. Из письма Г. Айнзиделя Б.Л. Хавкину от 9 января 2002 г. – Новая и новейшая история, 2002, №3, С. 159.

1949 ГОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР В ГДР

Синдеев А.А. (г. Москва, Россия)

В 1949 г. на новый этап вышла интеграция стран Запада и значительно возросла асинхронность процессов, происходящих в обеих частях Германии. Неслучайно после образования ГДР министр по общегерманским вопросам Я. Кайзер (ХДС) заявил, что Западная Германия не будет устанавливать отношения с восточногерманским государством, госсекретарь США Д. Ачесон назвал СССР «агрессивной империалистической державой», а Г. Трумэн выделил союзникам помощь на приобретение американского оружия [6].

В ноябре 1949 г. на конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Париже было решено «кардинально изменить германскую политику западных держав». Министру иностранных дел Франции Р. Шуману оставалось лишь успокаивать соотечественников: «Тем не менее мы сохраняем наш верховный авторитет оккупационной державы». Канцлер К. Аденауэр, не желавший лишней раз раздражать французов, но не скрывавший готовности направить немецкий контингент в европейскую армию, убеждал общественность, что «безопасность Западной Германии – дело союзных оккупационных держав», исключив из этой категории СССР [7]. 22 ноября К. Аденауэр подписал знаменитое Петербургское соглашение.

Советский лагерь содержательно и институционально оформлялся медленнее. Принципы социалистического братства предполагали равенство и сбалансированный учет интересов партнера, требовали создания взаимовыгодных условий для успешного социально-экономического развития. Однако потребности послевоенного восстановления ограничивали возможности СССР, сдерживали расширение экономических контактов между социалистическими странами, предоставляли им больше шансов и свободы в торговле с Западом. Применительно к ГДР играли значимую роль несколько факторов: нереальность (до заключения мирного договора) одностороннего отказа от преимуществ оккупационной державы; ставка на социалистические преобразования; включение ГДР в торгово-экономические отношения со странами социализма; закрепление прав собственности на полученные Советским Союзом после войны предприятия и активы.

Именно поэтому 23 сентября 1949 г. В.Н. Меркулов представил на имя В.М. Молотова и А.И. Микояна записку «К вопросу о будущем положении советских предприятий в Германии», в которой предложил подписать «Соглашение об экономическом сотрудничестве между СССР и Восточной Германией» и шесть протоколов, «определяющи[х] порядок деятельности советских предприятий в Германии и взаимоотношения их с немецкими правительственными органами». СССР, по мнению В.Н. Меркулова, должен иметь «право на сумму полученных в результате хозяйственной деятельности советских предприятий... прибылей и других доходов вывозить в Советский Союз или в третьи страны товары или получать беспрепятственно свободно конвертируемую валюту». В.Н. Меркулов рекомендовал предусмотреть «льготные условия... применительно к тем условиям налогового обложения, которые будут действовать в Германии для народных предприятий». Он считал необходимым определить объем и порядок «представления информации и отчетности о деятельности советских предприятий», а также согласовывать «устанавливаемы[е] для советских предприятий план[ы] производства и финансовы[е] план[ы] с общими планами по народному хозяйству Восточной Германии...». В.Н. Меркулов рассчитывал отрегулировать снабжение, сбыт продукции, ценообразование и «[п]орядок осуществления взаимной кооперации» [1].

Кроме того, он добивался сохранения положения, когда «советские предприятия в Германии находятся в аренде у Правления советских государственных акционерных обществ и выплачивают арендную плату», имеют право инвестировать одну часть арендной платы в капитальные вложения, а другую использовать на «отоваривание» [1].

К 17 октября 1949 г. аппарат В.Н. Меркулова подготовил проект постановления Совета Министров СССР «О разрешении Главному Управлению советским имуществом за границей при СМ СССР вступить в переговоры с Временным правительством ГДР по вопросам об основных принципах деятельности советских предприятий и